ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ

ИМПЕРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Содержание

5 (13) 2007

«Со всей силой нажимать...»

Кому не дают покоя лавры Лазаря Кагановича?

Александр КАРЕВИН — киевский историк и филолог. Окончил исторический факультет Киевского университета им. Тараса Шевченко. Автор книги «Русь нерусская»

Среди множества знаменательных дат, которые так любят отмечать в нашем независимом государстве, этот юбилей прошел незамеченным. Ему не посвящались торжественные заседания и памятные вечера. Его обошли вниманием средства массовой информации. Промолчали и ведущие историки. Между тем значение события, круглая годовщина которого осталась неотмеченной, переоценить невозможно. И прежде всего потому, что событие это для нас не только прошлое. Многие нынешние политики желают его повторения. А значит, имеет смысл вспомнить о забытом юбилее.

Итак, в августе 2003 года исполнилось 80 лет постановлению Всеукраинского ЦИК и Совета народных комиссаров УССР «О мерах по обеспечению равноправия языков и о содействии в развитии украинского языка».

Неродная «рідна мова»

Вплоть до начала XX века украинский литературный язык был в Украине (за исключением австрийской Галиции) практически неизвестен. «На 15 миллионов нет и 50 человек, которые бы дорожили своим родным языком», — возмущался галицкий украинофил Владимир Барвинский. Причина столь прискорбной для украинофилов языковой ситуации заключалась, однако, не в массовом языковом отступничестве. Все было проще. Родным для украинского народа являлся другой язык. «Многие украинцы совершенно искренне считали себя русскими и язык свой, с некоторыми, скажем, уклонами и особенностями, не большими все же, чем в первой попавшейся другой губернии, русским», — вынужден признать украинский исследователь. И в этом не было ничего странного. Русский литературный язык изначально формировался как язык общерусский, общий для всей исторической Руси, в том числе и для той ее части, которая сегодня называется Украиной. Вклад украинцев в развитие этого языка огромен. Естественно, потому что он воспринимался здесь как свой. Разумеется, люди малообразованные употребляли не литературные формы речи, а местные просторечия. Последние не слишком отличались от русского литературного языка. К тому же лексикон их ограничивался минимумом, необходимым в быту. Если возникала потребность затронуть в разговоре тему, выходящую за рамки обыденности, простолюдины черпали недостающие слова из языка образованного общества, то есть из того же русского литературного.

И сколько бы ни пытались украинофилы изменить сложившееся положение, им это не удавалось. Ничего не поменялось и после установления советской власти. В революционном запале украинские большевики объявили было войну русскому языку («вчерашнему языку буржуазной культуры», «языку угнетения украинцев»), принявшись украинизировать все и всех. Но вскоре новые правители Украины сообразили, что стараются себе во вред. Октябрьский (1922 года) пленум ЦК КП (б)У признал необходимым для пропаганды в украинском селе коммунистических идей издавать газету «Селянська правда» не только на украинском, но и

на русском языке, поскольку крестьяне «недостаточно привыкли к украинскому литературному языку». Пленум также постановил, что «язык преподавания в школах должен вводиться в соответствии с организованным волеизъявлением населения». Казалось, украинизация закончилась, едва начавшись. Однако языковое «перемирие» длилось не очень долго.

14 марта 1923 года Совет послов стран Антанты принял решение о включении Галиции в состав Польши (поляки оккупировали эти земли еще в 1919 году, но формально их судьба оставалась нерешенной). Развеялись надежды лидеров украинского движения на создание там своего государства. Не получив поддержки от западных стран, они обратились к СССР. Отношения Москвы и Варшавы характеризовались в то время большой напряженностью. В Кремле мечтали о мировой революции, которую собирались начать с Польши. Украинские деятели предложили большевикам содействие в осуществлении этих планов. Взамен они просили установить в УССР диктатуру украинского языка. Дескать, для того чтобы освобожденная Красной армией Галиция могла присоединиться к действительно украинской советской республике, близкой галичанам в языковом отношении.

Договорились быстро. Интересами внутренней политики компартийные вожди пожертвовали ради мировой революции. В результате и появилось вышеупомянутое постановление о содействии украинскому языку. «Признававшееся до сих пор формальное равенство между двумя наиболее распространенными в Украине языками — украинским и русским — недостаточно», — говорилось в нем, ибо «жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка». Получалось, как в анекдоте: раз жизнь противоречит линии партии, то тем хуже для жизни. Но это был не анекдот. Борьба с русским языком началась всерьез...

Поначалу, правда, не очень свирепствовали. Быстрому проведению украинизации мешали объективные причины. «Особенно нужно знание украинского языка, потому что его никто хорошо не знает, а часто и не хочет знать», — писала украинская пресса. Украинцы отказывались признавать «рідну мову». «Они оправдываются тем, что говорят: это язык галицкий, кем-то принесенный, и его хотят кому-то навязать; шевченковский язык народ давным-давно уже подзабыл. И если бы учили нас шевченковскому языку, то, может бы, еще чего-то достигли, а галицкий язык никакого значения не имеет», — отмечалось на I Всеукраинском учительском съезде (1925 год).

Претензии к украинскому литературному языку были небеспочвенными. Он разрабатывался в основном галицкими украинофилами, делавшими все возможное, чтобы подальше увести свое «творение» от общерусского корня. Искусственно вводились в оборот заимствования из польского, немецкого, латинского, других языков, выдумывались («ковались») новые слова. Как вспоминал Михаил Драгоманов, одно время принимавший участие в «языкотворчестве», целью была «оригинальность языка, а не его понятность». Такой язык даже в Галиции прививался с трудом, а уж в российской Украине — тем более.

Игнорировать эту проблему власти не могли. «Нам необходимо приблизить украинский язык к пониманию широких масс украинского народа», — заявил председатель Совета народных комиссаров УССР Влас Чубарь. Но приближать стали не язык к народу, а наоборот. Руководствовались тезисом Агатангела Крымского: «Если на практике мы видим, что люди затрудняются в пользовании украинским языком, то вина падает не на язык, а на людей». Вместе с тем партийный лидер Украины Эммануил Квиринг понимал, что одним наскоком языковую проблему не решить. Он предупреждал, что украинизация — «долговременный, постепенный процесс», требующий «еще не одного пятилетия», что необходимо подготовить соответствующие кадры учителей, вырастить новое поколение вузовских преподавателей. Такая «постепенность» вызвала недовольство в Кремле. Квиринга заменили более «энергичным» руководителем.

«Сталинский сокол»

Фигура Лазаря Моисеевича Кагановича до сего дня должным образом не освещена отечественными историками. Предпочитают говорить о его участии в репрессиях 30-х годов, голодоморе, конфликте с Хрущевым. Все это, конечно, любопытно. Но не менее любопытно другое. Став в апреле 1925 года первым секретарем ЦК КП (б)У, Каганович взялся за украинизацию со свойственной ему решительностью. Всем служащим предприятий и учреждений было предписано перейти на украинский язык. Замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» немедленно увольнялись (соблюдения трудового законодательства в данном случае не требовалось). Исключений не делалось даже для предприятий союзного подчинения. В приказном порядке украинизировались пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации. Вывески и объявления запрещалось даже дублировать по-русски. Ударными темпами переводилась на украинский система образования. Мова стала главным предметом всюду — от начальной школы до технического вуза. Только на ней разрешалось вести педагогическую и научно-исследовательскую работу. Украинский язык, как восторженно писал известный языковед-украинизатор Алексей Синявский, «из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции волей этой последней становится органом государственной жизни страны».

Сам язык тоже не стоял на месте. Продолжался процесс «очищения» от слов русского происхождения. Группа академиков ревизовала словари, было разработано новое правописание. Обсуждался вопрос о введении латинского алфавита, но такой шаг сочли преждевременным.

Ход украинизации тщательно контролировался сверху. Специальные комиссии регулярно проверяли государственные, общественные, кооперативные учреждения. Контролерам рекомендовалось обращать внимание не только на делопроизводство и прием посетителей, но и на то, на каком языке сотрудники общаются между собой. Когда, например, в народном комиссариате просвещения обнаружили, что в подведомственных учреждениях и после украинизации преподавательского состава технический персонал остался русскоязычным, то распорядились, чтобы все уборщицы, дворники, курьеры разговаривали на украинском.

А Каганович все не унимался. Особую ненависть вызывали у него русскоязычные украинцы. Если к выходцам из Великороссии хотя бы на первом этапе допускались методы убеждения, то на коренное население Лазарь Моисеевич требовал «со всей силой нажимать в деле украинизации». Украинцы отвечали взаимностью. Они сопротивлялись, как могли. Если была возможность, детей из украинизированных школ переводили в те учебные заведения, где преподавание еще велось по-русски. (Следствием этого стала гораздо большая наполняемость русскоязычных классов в сравнении с украиноязычными.) Украиноязычные газеты теряли читателей. «Обывательская публика желает читать неместную газету, лишь бы не украинскую, — записывал в дневник Сергей Ефремов. — Это отчасти и естественно: газету штудировать нельзя, ее читают, или, точнее, пробегают глазами наспех, а даже украиноязычный обыватель украинский текст читать быстро еще не привык, а тратить на газету много времени не хочет». Та же картина наблюдалась в театрах. Посещаемость украиноязычных спектаклей резко упала. Чтобы заполнить зрительные залы, властям пришлось организовывать принудительные «культпоходы» в театр рабочих коллективов.

Холодный прием встретили украинизаторы и в селах. «Было бы ошибочно думать, что процесс украинизации, в том числе в части продвижения украинской книжки, не является актуальным и для села, — отмечалось в прессе. — Ведь русификация, проводимая на протяжении многих лет царским правительством, пустила корни и среди сельского населения. Украинская книжка на селе, хоть и не в такой мере, как в городе, должна еще за-

воевать себе место». «Наша украинская газета еще мало распространяется на селе, — жаловался на I Всеукраинском учительском съезде делегат из Харьковской губернии. — У нас на Харьковщине в селе русская газета «Харьковский пролетарий» лучше распространяется, почему-то ее больше выписывают, чем «Селянську правду» (вновь ставшую исключительно украиноязычной). «Украинская литература широко не идет, приходится силой распространять ее», — вторил коллеге делегат от одного из округов Киевской губернии.

В ответ на сопротивление коммунистический режим ужесточал репрессии. Официально было объявлено, что «некритическое повторение шовинистических великодержавных взглядов о так называемой искусственности украинизации, непонятном народу галицком языке и т. п.» является «русским националистическим уклоном» (обвинение, грозившее тогда серьезными последствиями).

Справедливости ради надо сказать, что утвердить украинский язык без принуждения не представлялось возможным. Украинцы не принимали «рідну мову» добровольно. Большевикам приходилось насильно вводить ее во все сферы государственной и общественной жизни. «Ни одна демократическая власть не достигла бы либеральными методами таких успехов на протяжении такого короткого промежутка времени», — признает современный сторонник украинизации, комментируя деятельность Кагановича и его подручных.

Не замедлили и последствия «успехов». Резко снизился уровень культуры. Многие специалисты, будучи не в силах привыкнуть к новому языку, покинули республику. Мощный удар нанесен был процессу обучения. Попадая из русскоязычной среды в украинизированные учебные заведения, дети калечили свою речь. «Я имел возможность наблюдать речь подростков, мальчиков и девочек, учеников полтавских трудовых и профессиональных школ, где язык преподавания — украинский. Речь этих детей представляет собой какой-то уродливый конгломерат, какую-то невыговариваемую мешанину слов украинских и московских», — замечал один из украинизаторов.

Председатель Всеукраинского ЦИК Григорий Петровский еще хорохорился: «Всегда вновь рождающееся связано с болезнями, и это дело не составляет исключения. Пока дождешься своих ученых или приспособишь тех специалистов, которые должны будут преподавать у нас на украинском языке, несомненно, мы будем иметь, может быть, некоторое понижение культуры. Но этого пугаться нельзя». Однако в глубине души многие сознавали все последствия происходящего.

Может быть, такое осознание способствовало тому, что с середины 30-х годов махина украинизации стала сбавлять обороты. Но главная причина этого все же была политической. Осложнилась международная обстановка. Лопнули, как мыльный пузырь, надежды на мировую революцию. Дал трещину антипольский блок коммунистов и украинских деятелей. В этих условиях искусственно углублять дальше различия между двумя самыми мощными республиками СССР было небезопасно. И украинизаторские меры стали смягчать. Заговорили о допущенных перегибах и необходимости их исправления. В 1938 году даже вновь разрешили открыть всеукраинскую газету на русском языке.

Но генеральная линия партии осталась прежней. Наказав отдельных «перегибщиков», продолжали славить Кагановича за заслуги в распространении украинского языка. Сам Лазарь Моисеевич еще в июле 1928 года был отозван на повышение в Москву, но дело его продолжалось. «Исправляя перегибы украинизации, мы должны одновременно продвинуть вперед саму украинизацию, которая является неотъемлемой частью нашего социалистического строительства», — подчеркивалось на ноябрьском (1933 года) пленуме ЦК КП (б)У. В крупных городах родителям предоставили возможность выбирать язык обучения для своих детей (и, естественно, выбор был в пользу языка русского), но в селах большинства областей

такого права выбора не было. (Именно этим, наряду с более низким уровнем культуры, объясняется меньшее распространение русского языка в сельской местности). Украинский язык пользовался полной поддержкой государства, пропагандировался как родной для украинцев. «В период сталинизма и позднее, — пишет современный исследователь, — успехи «украинизации», несмотря на все попятные движения, репрессии, систематическую борьбу с «буржуазным национализмом», были закреплены, Малороссия окончательно стала Украиной».

По пути «железного Лазаря»

И сегодня мы имеем то, что имеем. Из «языка жменьки интеллигенции» «рідна мова» превратилась в полноправный государственный язык. Но кое-кому этого мало. Все чаще звучат в последнее время призывы вернуться к методам 20-х годов. Во многих регионах это уже и произошло. Дошло до того, что в период премьерства Виктора Ющенко группирующиеся вокруг него силы попытались вновь ввести в стране правописание, подготовленное при Лазаре Моисеевиче. Всеобщее возмущение вынудило новых украинизаторов приостановить такую «реформу». Теперь они ждут благоприятного момента, чтобы повторить попытку. Лавры Кагановича не дают покоя окружению Виктора Андреевича, а может быть, и ему самому.

Безусловно, украинский язык имеет право на всестороннее развитие и функционирование во всех сферах общественной жизни Украины. Но такое же право должен иметь и русский язык, который многие поколения украинского народа обоснованно считали родным. Признание за ним этого права будет восстановлением справедливости по отношению к миллионам русскоязычных украинцев, низводимых сегодня последователями Кагановича до положения «граждан второго сорта». А следовательно, только усилит нашу страну и уж во всяком случае никак не подорвет ее суверенитет (чем запугивают общество политики из «Нашей Украины»).

Немецкий язык занимает в Австрии такое же положение, как и в Германии, но самостоятельность Австрийской республики сомнению не подлежит. То же можно сказать о греческом языке на Кипре. Завоевав независимость от Англии, США продолжают пользоваться английским языком, не чувствуя в этом для себя никакой угрозы. Англоязычны и ирландцы, но вряд ли кто-либо заподозрит их в желании подчинить свою страну Великобритании. Так стоит ли (как это принято в определенных кругах) обзывать русскоязычное население Украины «пятой колонной Москвы»?

«Русская культура и русский язык очень сильны в Украине, — отмечал видный украинский ученый, министр народного просвещения при гетмане Скоропадском Николай Василенко. — На них воспитывалась вся украинская интеллигенция. Говорить, что эта культура навязана народу, значит, по-моему, говорить заведомую неправду. Русская культура имеет глубокие корни в сознании украинского народа. Русский язык является родным языком преобладающей части интеллигенции в Украине. Мало того, значительный процент населения Украины говорит только на этом языке. Поэтому, с точки зрения государственной (не говоря уже о национальном чувстве), унижать положение русского языка или придавать ему какое-то второстепенное значение было бы не только нецелесообразным, а прямо-таки вредным... Я считаю вопрос об украинском языке чрезвычайно важным в державном строительстве Украины. Тем не менее я являюсь противником издания закона об одном только державном языке. Такой закон, кроме путаницы, вреда и больших затруднений в жизни, ничего не принесет. Оба языка — и русский, и украинский — должны пользоваться полным равноправием. Практически жизнь сама хорошо решит этот вопрос. Не следует только государству класть свой кулак на ту или другую сторону».

...Задумаемся над этими словами. Пока есть кому думать...

Вот такой вот отаман...

ЕДИНАЯ РУСЬ

http://www.edrus.org

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственнойт «мовы» и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно прочесть классику полемики с украинофилами (Н.Ульянов, А.Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С.Сидоренко).

Малорусская Народная Историческая Библиотечка

Традиция — это передача пламени, а не поклонение пеплу

МНИБ — собрание дореволюционных и редких книг в электронном формате по истории Малой Руси — Украины. Особое внимание уделяется региональной истории Галции, Закарпатья, Буковины, Подола, Волыни, Украйны, Слобожанщины, Донбасса, Новороссии, Крыма; теме национального движения и становления украинствующих; «москвофильскому» (твердо-русскому) движению в Подкарпатской Руси и украинофильскому на Украине. Наравне с националистической литературой представлены работы, жизнеописания и переписка деятелей других, ныне замолченных, направлений.

В Библиотечке содержатся такие книги, как *Неизвращенная История Украины-Руси* А.Дикого (Нью Йорк, 1961), *Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма* С.Н. Щеголева (Киев, 1912), *Литературное и политическое украинофильство* Мончаловского (Львов, 1898), *Русалка Днестровая* (Будапешт, 1837), работы Кулиша, Драгоманова, Дедицкого, Купчанко, Мякотина, Свистуна, Аристова. В Библиотечке есть Талергофский Альманах, а также богатая подборка библиографических списков и опубликованных документов.

Книги доступны через интернет по адресам www.mnib.kiev.ua (Украина) или mnib.malorus.org (Германия), а также на двух дисках, которые можно заказать в Едином книжном интернет-магазине (magazin.malorus.org).

Библиотечка приглашает к совместной работе по наполнению новыми книгами, популяризации и распростронению материалов МНИБ.

www.mnib.kiev.ua
mnib.malorus.org